

Отражение истории в литературе: Карамзин и его взгляд на прошлое

Александр Гричко

Философский факультет, Прешовский университет в Прешове
alexander.hrcko@smail.unipo.sk

Ключевые слова: Карамзин, история, путешествие, письма, нарратив

Key words: Karamzin, history, journey, letters, narrative

1 Введение

В настоящее время мы можем прочесть много о русской истории, в том числе истории конца XVIII — начала XIX вв. Одним из главных историков того времени является Николай Михайлович Карамзин. На историю он взирал особым образом, уделяя ей особое нравственное и психологическое внимание, которое было отражено в его произведениях.

Взгляд Карамзина на историю строился не на исторической закономерности, а на нравственно-психологической эстетике. Его занимало не общество с его строением и складом, а человек с его личными качествами и случайностями личной жизни; он следил в прошедшем не за накоплением средств материального и духовного существования человечества и не за работой сил, вырабатывавших эти средства, а за проявлениями нравственной силы и красоты в индивидуальных образах или массовых движениях, за этими, как он говорит, «героями добродетели, сильными мышцею и душою или за яркими чертами ума народного свойства, нравов, драгоценными своею древностию». По Ключевскому, «Он не объяснил и не обобщил, а живописал, морализировал и любовался, хотел сделать из истории России не похвальное слово русскому народу, как Ломоносов, а героическую эпопею русской доблести и славы. Конечно, он много помог русским людям лучше понимать свое прошлое; но еще больше он заставил их любить его. В этом главная заслуга его труда перед русским обществом и главный недостаток его перед исторической русской наукой» (1983, с. 2). «Карамзин не изучал того, что находил в источниках, а искал в источниках, что ему хотелось живописного и поучительного. Не собирал, а выбирал факты, данные. Отсюда у него исторические чудеса. Изучать историю, чтобы написать ее: мысль сосредоточивается на подборе фактов, не на их связи» (Ключевский, 1983, с. 3). Современный интерес к Карамзину – это конечно, в первую очередь, интерес к «Истории». Яркое свидетельство тому – мгновенно поглощённые книжным рынком «Предания веков». Одним из значимых вкладов в изучение наследия Н. М. Карамзина стала работа, посвященная художественным особенностям его исторического нарратива. По мнению Вацура, «Сказания, легенды, рассказы из «Истории государства Российского» – последняя работа, подготовленная покойным Г. П. Макогоненко, столь много сделавшим для изучения и популяризации Карамзина» (1989, с. 33). «История государства Российского» Карамзина, безусловно, сыграла громадную роль в формировании исторических знаний, представлений об исторической базе исторической науки и потому, что являла собой великий памятник русской художественной литературы, высокий образец композиции литературного произведения и литературного языка (речевой культуры). «Задачей Карамзина было не только «открыть» широкому читателю прошлое его Отечества, укрепить его историческую образованность и воздействовать на его общественное

сознание, но и утвердить представления о характере новой литературы, воспитать его языковой вкус» (Шмидт, 2009, с. 33).

2 Отображение истории в литературном творчестве Карамзина

Если хотим хорошо понять нами выше упомянутое произведение, надо прежде всего хорошо понимать самого автора произведения.

И. И. Срезневский в своей публикации говорит, что «Карамзин – историк – это значит Карамзин – палеограф, нумизмат, хронолог, генеалог и т. д., во всем исследователь, во всем критик, во всем требовательный. Забывать эту сторону в Карамзине – значит не понимать Карамзина» (Шмидт, 2009, с. 345).

В начале произведения автор обращается к «Государю императору»¹ Александру Павловичу, «самодержцу всея России» со словом, в котором, как сам Карамзин пишет, излагает плод своих двенадцатилетних трудов. Посвящение интересно тоже и с точки зрения стилистики. Посвящение Карамзина написано высоким книжным стилем, в котором наблюдаем пафос, верность императорскому престолу и т. д.

По Шмидту, «В основном тексте вынесено на поля листов то, что помогает лучше ориентироваться в содержании: даты, указания на описываемые и характеризующие явления, наиболее значительные из событий, оценка их: «Язык и грамота», «Убиение Игоря», «Свойства сего князя», «Дела Польские», «Неслыханное уничижение», «Славная осада Пскова» и т. д» (2009, с. 346). На основной текст произведения мы должны смотреть с двух сторон. Первая – историческая, а вторая – лексико-семантическая сторона. Что касается второй группы, можно отметить, что в тексте находим разные виды слов, такие как: архаизмы и книжные слова, например в выражениях: Сия великая часть Европы и Азии..., где архаизмом является слово [сия], т. е. в современном русском языке употребляется вместо архаической формы выражение [эта]. Так будет и впредь, доколе есть война и мечи в свете.... Архаическая форма слова [доколе] является эквивалентом современного выражения [до того времени]. Также весьма древние города в России..., где слово [весьма] принадлежит к книжной лексике и т. д.

Что касается второй стороны текста – исторической, это проблема довольно сложная. Вторая глава историографического материала Карамзина описывает славян и другие народы, которые составляли Российское государство. Автор употребляет также христианский элемент, поскольку говорит о св. апостоле Андрее, который поставил над Киевскими горами крест и так должен был предсказать славу русским славянам. Автор также тезисы, изложенные в данном произведении, не может доказать фактами, например, он не способен доказать, не обитали ли венеды, ещё до Рождества Христова на территории Российского государства, также опирается на устное народное творчество и сказки XII столетия, в которых упоминаются воины Траяна в Дакии.

У Карамзина свой стиль и научной работы, и ее внешнего оформления. Некоторым суждениям даже источниковедческого порядка он отводит место в основном тексте. «Однако все основное сосредоточено в примечаниях, а их 6548. Примечания стали энциклопедией и хрестоматией для ученых – историков и тех, кто занимается специальными (вспомогательными) историческими и филологическими дисциплинами» (Шмидт, 2009, с. 355).

¹ Титул «Государь император» пишется с заглавной буквы, поскольку это официальный титул монарха, употребляемый в торжественном, протокольном контексте. Такой титул является частью дипломатического и официального протокола, что требует использования заглавных букв согласно нормам русского языка, особенно в официально-деловом или торжественном стиле.

Для краткого анализа стиля Карамзина рассмотрим первый том его десяти томного труда, озаглавленный «О народах, издревле обитавших в России. О славянах вообще», включающий десять глав. В этой части Карамзин довольно чётко и детально описывает исторические этапы, которые связаны с территорией русской земли. Детальность выражений Карамзина можно демонстрировать на нескольких строчках, например: «на левой стороне Днепра, в 14 днях пути от его устья (вероятно, близ Киева), между скифами-земледельцами и кочующими было их Царское кладбище, священное для народа и неприступное для врагов», «жилища последних находились в 4000 стадиях, или в 800 верстах, от Черного моря к Северу, в ближнем соседстве с андрофагами» (Карамзин, 1997, с. 56). Карамзин также описывает этимологию славян, о которых пишет, что славяне – люди воинственные и храбрые. Их название происходит от слова «слава» потому, что в VI веке именно славяне заняли значительную часть Европы от Балтийского моря до реки Эльбы, Тисы и Черного моря.

Карамзин часто ссылается на других историков, например на готского историка Иорнанда (VI век), описывая венедов, как единоплеменников славян, предков народа российского. Тоже он берет примеры и замечания историка Геродота, например когда говорит о народах не скифского племени, которые жили на территории России (Карамзин, 1997). Геродот, по словам Карамзина, даже описывал Урал как «каменистые горы», также пишет о главном народе нынешних киргизских степей, сильных массагетах и т. п.

3 Путешествия Карамзина в отражении «Письма»

««Письма русского путешественника» сыграли огромную роль в творчестве Карамзина и имели первостепенное значение в развитии отечественной культуры, и в частности, исторического сознания русских писателей и читателей рубежа XVIII и XIX вв.» (Шмидт, 2009, с. 352).

Некоторые публикации в «Пантеоне иностранной словесности» были позаимствованы Карамзиным из сочинений менее значительных, но тем не менее, известных литераторов. Таковым является очерк «О дружбе». Его автором, Антуан Ривароль, французский писатель, сотрудник журнала «*Mercure de France*», был незаурядным полемистом. Он отличался едким и безжалостным остроумием, чем нажил себе немало врагов, блистал в салонах. Карамзин упоминает о нем в «Письмах русского путешественника» в примечании к главе, посвященной «Академии»: «Остроумный Ривароль давно обещает новый Философический Словарь языка своего; но чрезмерная леность, как сказывают мешает исполнить обещание» (Кафанова, 2020, с. 292). Очень интересны тоже переводы Карамзина, и некоторые из них позже Карамзин описывал именно в произведении «Письма русского путешественника».

«Переводы из «Созерцания природы» швейцарского естествоиспытателя и философа Шарля Бонне едва ли соответствовали аудитории «Детского чтения» и отражали скорее всего этап философского развития самого переводчика. Позднее, описывая в «Письмах русского путешественника» свой визит к ученому, Карамзин назвал его главное сочинение магазином любопытнейших знаний для человека» (Кафанова, 2020, с. 37). Позднее в письме к Бонне после личного знакомства с ним, Карамзин заметит в «Письмах русского путешественника»: «[т]рудно выражать ясно на русском языке то, что на французском весьма понятно для всякого, кто хотя немного знает сей язык. Надобно будет составлять и выдумывать новые слова, подобно как составляли и выдумывали их немцы, начав писать на собственном языке своем» (Кафанова, 2020, с. 45). В 1801 году, пытаясь дать историческую оценку английского драматурга в «Письмах русского

путешественника», Карамзин затронул проблему подвижности идеала и вкуса, от которого зависит самый значительный художник, в том числе и Уильям Шекспир. В заключении Карамзин употребляет довольно метафорический язык, говоря: «Я не знаю другого Поэта, который бы такое всеобъемлющее, плодотворное, неистощимое воображение; и вы найдете все роды Поэзии в Шекспировых сочинениях. Он есть любимый сын богини Фантазии, которая отдала ему волшебный жезл свой; а он, гуляя в диких садах воображения, на каждом шагу творит чудеса!» (Кафанова, 2020, с. 63–64). Карамзин считался тоже сторонником филэллизма, что во многом повлияло на ещё юного Карамзина. Плодотворным оказывается обращение к «Письмам русского путешественника», художественному произведению с рельефно означенным биографическим субстратом, что позволяет при всех оговорках, связанных с различием и разведением автора и его героя, Путешественника, использовать «Письма» как свидетельство о встречах и влияниях, испытанных Карамзиным во время поездки по Западной Европе. «Внимания заслуживает и тот факт, что поездка русского поэта состоялась в то время, когда немецкий филэллизм, обязанный своим появлением сочинениям Винкельмана 1750 – 1760-х годах, приблизился к апогею и доказал свою плодотворность для столь широкого спектра культурных явлений, как изобразительные искусства, архитектура, художественная мысль и литература» (Лаппо-Данилевский, 2010, с. 223 – 224). Во время своего пребывания в Европе Карамзин встретился с многими выдающимися представителями немецкой культуры. Под влиянием трудов Винкельмана и его последователей все большую роль в географии подобных путешествий начинает играть Рим как сокровищница древностей, и как альтернатива светскому Парижу. Согласно этой концепции, длительное пребывание в Италии, созерцание шедевров античной скульптуры, штудирование вадемекумов и научных трудов должны были облагородить души путешественников, воспитать в них способность постижения вечных, «идеальных» красот. Нельзя не пожалеть поэтому, что лишь три абзаца в «Письмах русского путешественника» посвящены посещению Карла Филиппа Морица в Берлине (его «Антон Райзера» и «Путешествие немца по Англии» Карамзин прочел ещё в Москве с «великим удовольствием»). О поездке в Италию, которую Мориц предпринял незадолго до той совместной с Гёте, Карамзин повествует крайне скупно: Мориц недавно вернулся из Италии, о чем «немецкая публика еще ничего не знает». Читатель «Писем» узнает при этом о высоком значении, которое немецкий писатель придавал поездкам: ничто не может, по мнению Морица, сравниться с идеалами «очевидца» (Лаппо-Данилевский, 2010, с. 224 – 225). В Веймаре ожидали Карамзина не только успехи. Если Виланд удостоил его краткой аудиенции, то Гёте был воистину неуловим. От прислуги Карамзин узнавал, что немецкий поэт, то при веймарском дворе, то в Йене или никого не принимает. В «Письмах» находим поэтому лишь краткий эпизод, призванный заполнить образовавшуюся лакуну: Путешественник видит Гёте однажды вечером в окне его дома. Единственное, что при этом может сказать Путешественник о немецком поэте, это то, что у того «важное греческое лицо» и что на другой день ему не удалось застать Гёте дома (Лаппо-Данилевский, 2010). Отличие от Н. А. Львова, отстаивавшего в своем «Итальянском дневнике» 1781 г. именно винкельмановскую аксиологию и не стеснявшегося в выражениях, Карамзин стремится к максимально объективированному взгляду и избегает резких суждений. «Неудивительно поэтому, что краткое описание Дрезденской галереи маловыразительно и напоминает скорее перечень картин – от Рафаэля Урбинского до Антона Рафаэля Менгса. Карамзин сознается, что провел в галерее всего три часа; несомненно поэтому, что информацию о полотнах он почерпнул из некоего печатного источника. Более чем три четверти описания составляют примечания, в которых находим краткие характеристики художников. Карамзин повторяет многие из

opiniones communes его эпохи – так, он подчеркивает особенное значение античных статуй Рафаэля и «натуры» для Рубенса, в отличие от Львова не противопоставляя художников друг другу. Более того, Карамзин объявляет Рубенса «Фландрским Рафаэлем», что для последователей Винкельмана было равносильно кощунству. Помимо Дрезденской галереи Карамзин посетил еще одно важное художественное собрание в Германии: собрание копий античных скульптур в Майгейме, описанное Шиллером в статье «Музей антиков в Майгейме» (1785)» (Лаппо-Данилевский, 2010, с. 229). Карамзин наверное был очень заинтересован Рафаэлем, поскольку говорит, что, Рафаэль, глава римской школы, признан единогласно первым в своем искусстве. Никто из живописцев не вникал столько в красоты антиков, никто не учился анатомии с такою прилежностью, как Рафаэль, – и потому никто не мог превзойти его в рисовке (Карамзин, 1964a,b). Тема изобразительных искусств возникает в «Письмах» тоже тогда, когда из Парижа Путешественник отправляется в Версаль в сопровождении господина К. (его прототипом был скульптор М. И. Козловский) (Лаппо-Данилевский, 2010). «Сердечная атмосфера двух встреч с Гердером сделала их неотъемлемой частью эмоционального, а не рационального опыта Карамзина и тем подготовила восторженный филэллинистический пассаж «Афинской жизни». Преодолев соблазн изменения маршрута поездки, поэт показал все же периферийность этого опыта для своего внутреннего мира и поведенческим актом решил дилемму, высвеченную в реплике Морица. Отправившись не во Флоренцию и не в Рим, а в Париж и Лондон, он предпочел достижения просвещенности и трудолюбия царству абстрактной красоты, современность и будущее – идеализированному прошлому» (Лаппо-Данилевский, 2010, с. 231). «В «Письмах русского путешественника» Карамзин пишет, что в Академии надписей и словесности ему удалось узнать по лицу Левека, автора «Российской истории». Карамзин знал, что до сих пор у русских нет хорошей истории, которая была бы написана с философским умом, с критикою и благородным красноречием. Наверное тут в первый раз подумал о написании самостоятельной научной работы «История государства Российского». Предлагал, что не важно в истории, надо это сократить, как сделал в «Английской истории» Юм» (Карамзин, 1964a, b, с. 85). Карамзин под влиянием французской интеллигенции постепенно является автором и носителем нарратива, что главное дело быть людьми а не славянами, как сам сказал в своих «Письмах». Сам считает, «что хорошо для людей не может быть дурно для русских, и что англичане или немцы изобрели для пользы, выгоды человека, то мое, ибо я человек»! Приостановимся на посещении Карамзиным Парижа в мае 1790 года. Карамзин приходит в Булонский лес, где находится замок «Мадрид» построен в XVI веке.

Описывает посещение замка Карамзин так: «террасы его заросли высокою травою. Где Франциск I наслаждался всеми приятностями любви и роскоши; где нежные звуки арф и гитар усыпляли его в объятиях богини сладострастия, там ныне пустота и молчание царствуют... Вокруг меня бегали олени: солнце катилось к западу; ветер шумел в густоте леса. Я хотел видеть внутренность замка... Барельефы крыльца, представляющие разные сцены из «Метаморфоз» Овидиевых, покрылись зеленым мохом; здесь, над пламенным сердцем нежного Пирама, умирающего от любви к Тизбе, развевается холодная полынь; там время рукою своею изглаживает картину Юнонина мщенья, превратившего в пепел злосчастную Семелею...» (Карамзин, 1964a, b, с. 122). Карамзину Париж, как город очень нравился с разных сторон. Это конечно сторона эстетическая, которую мы описали выше, что он, бродя по городу, посещал разные знаменитые места, связанные с культурой и архитектурой Франции. Но это тоже и сторона творческая.

«Париж есть город единственный. Нигде, может быть, нельзя найти столько материи для философских наблюдений, как здесь; нигде столько любопытных предметов для человека, умеющего ценить искусства; нигде столько рассеяния и забав. Но где же и

столько опасностей для философии, особенно для сердца? Здесь тысячи сетей расставлены для всякой его слабости...» (Карамзин, 1964а, б, с. 124). Что касается жизни Карамзина в Париже, ее можно считать без всяких претензий роскошной. Карамзин сам говорит в своих «Письмах», что имеет хорошую комнату, читает разные журналы, пьет кофе, которое не делают ни в Германии, ни в Швейцарии, ходит к парикмахеру, где ему голову мажут духами и пудрят голову белой пудрой, обедает в ресторанах, где за рубль можно поесть пять или семь блюд с десертом, потом просто так бродит по городу и наслаждается атмосферой, приходит в комнату, пишет несколько строк в свой журнал и засыпает глубоким сном, думая о будущем. Если говорить о Париже и Франции, то очень интересным является тоже отношение Карамзина к французской революции. Как отмечает Макогоненко в своей статье под названием «Литературная позиция Карамзина в XIX веке» опубликованной в историко-литературном журнале изданным Институтом русской литературы (пушкинским домом) в 1962 году, видимо, там же, в Париже, слушал Карамзин и Робеспьера, вызывавшего его сочувствие. По свидетельству Николая Тургенева, человека очень осведомленного и объективно оценивавшего идеологическую позицию Карамзина, Робеспьер внушал ему благоговение. Друзья Карамзина рассказывали, что, получив известие о смерти грозного трибуна, он пролил слезы. После возвращения в Москву посвятил в Московском журнале специальный раздел рецензиям на иностранные и русские политические и художественные произведения, на спектакли русского и парижского театра.

Путешествие укрепило веру Карамзина во всемогущую силу Просвещения, вызвало в нем искреннее доверие к тем философам, которые всю жизнь боролись со злом. Позже Карамзин признавался в оптимистическом характере своих убеждений начала 90-х годов. «Конец нашего века, – писал он, – почитали мы концом главнейших бедствий человечества и думали, что в нем последует важное, общее соединение теории с практикою, умозрения с деятельностью; что люди, уверясь нравственным образом в изящности законов чистого разума, начнут исполнять их во всей точности и под сению мира в крове тишины и спокойствия наслаждаться истинными благами жизни» (Макогоненко – Берков, 1964а, б, с. 11).

4 Заключение

На основе всего вышеизложенного можно заключить, что Н. М. Карамзин является абсолютным феноменом русской литературы конца XVIII – начала XIX вв. Его исторические труды представляют собой не только изложение фактов, но и совокупность научных дисциплин – от палеографии и нумизматики до хронологии и генеалогии. Карамзин выступает как критически мыслящий исследователь, уделяя достаточное внимание исторической достоверности, но и литературному оформлению сочинений.

Особое значение в его труде «История государства Российского» играет сочетание исторического и лексико-семантического анализа. Автор использует архаизмы, книжные выражения и стилистически возвышенные конструкции, что придает его изложению патриотичный характер. В «Письмах русского путешественника» Карамзин показал отражение западноевропейских культур, что свидетельствует о формировании его историко-философских взглядов. Через свои путешествия и знакомства с западными представителями литературы и культуры осознал значимость критического осмысления истории и философского подхода к ее изложению.

Карамзин – не просто историк, но и создатель особого нарратива, сочетающего научную точность, литературную выразительность и философское осмысление прошлого.

Литература:

- ВАЦУРО, В. (1989): Карамзин возвращается. In: *Литературное обозрение*, 1989/11, с. 33–39.
- КАФАНОВА, О. (2020): *Переводы Н. М. Карамзина как культурный универсум*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- КЛЮЧЕВСКИЙ, В. (1983): *Неопубликованные произведения*. Москва: Наука, с. 133–137.
- ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ, К. (2010): О филэллинизме Н. М. Карамзина. In: В. Е. Багно (ed.): *Художественный перевод и сравнительное изучение культур*. Санкт-Петербург: Российская академия наук. Институт русской литературы (Пушкинский дом), с. 223–231.
- МАКОГОНЕНКО, Г. – П. БЕРКОВ (1964): *Жизнь и творчество Н. М. Карамзина. Карамзин Н.М. Избранные сочинения в двух томах*. Москва – Ленинград: Художественная литература. [Цит. 2025-02-24]. Доступно на интернете: <https://rvb.ru/18vek/karamzin/2hudlit/03article/article.htm> >
- ШМИДТ, С. (2009): *Памятники письменности в культуре познания истории России. Т. 2: От Карамзина до «арбатства» Окуджавы*. Москва: Языки славянской культуры.

Источники:

- КАРАМЗИН, Н. (1964а): Избранные сочинения. Москва. 1964. Том 1. Письма русского путешественника. In: Г. Макогоненко, П. Берков (eds.): *Карамзин, Н. М. Избранные сочинения в двух томах*. Москва – Ленинград: Художественная литература, с. 77–604. [Цит. 2025-01-22]. Доступно на интернете: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Karamzin/pisma-russkogo-puteshestvennika/#source
- КАРАМЗИН, Н. (1964б): Письма русского путешественника. [Письмо 1]. In: Г. Макогоненко, П. Берков (eds.): *Карамзин, Н. М. Избранные сочинения в двух томах*. Москва – Ленинград: Художественная литература, с. 79–601. [Цит. 2024-12-10]. Доступно на интернете: <https://rvb.ru/18vek/karamzin/2hudlit/01text/vol1/01prp/01-001.htm>
- КАРАМЗИН, Н. (1997): *История государства Российского: В 3 кн. (12 т.)*. Санкт-Петербург: Золотой век; Диамант. [Цит. 2025-02-14]. Доступно на интернете: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Karamzin/istorija-gosudarstva-rossijskogo/11

Summary

The Reflection of History in Literature: Karamzin and His View of the Past

N. M. Karamzin is a remarkable figure in Russian literature at the turn of the 18th and 19th centuries. His historical works blend factual narration with disciplines like paleography, numismatics, and genealogy. As a critical thinker, he values both historical accuracy and literary form. In *History of the Russian State*, he merges historical analysis with lexical-semantic studies, using archaisms and elevated language to create a patriotic tone. In *Letters of a Russian Traveler*, he reflects Western European cultures, shaping his historical-philosophical views. Through travel and cultural exchanges, Karamzin developed a critical approach to history. He is not just a historian but a masterful storyteller who combines scientific precision, literary artistry, and philosophical depth. Karamzin is not just a historian but also the creator of a unique narrative present in the works under study.